

Место системы «Антиплагиат» в саморегуляции научной деятельности

Мартышина Наталья Ивановна – д-р филос. наук, проф., завкафедрой философии и культурологии. E-mail: nmartishina@yandex.ru

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия

Адрес: 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191

***Аннотация.** Статья выражает позицию автора в активизировавшихся в настоящее время дискуссиях относительно возможностей и ограничений системы «Антиплагиат». Функции «Антиплагиата» соотнесены с проблемами научной деятельности, обозначившимися в пост-неклассический период развития науки. Автор поддерживает тезис о том, что использование данной системы, даже при наличии определённых недостатков, в существующих условиях является объективной необходимостью. Приведены контраргументы относительно наиболее часто называемых проблем, возникающих при использовании «Антиплагиата», сформулированы условия эффективного применения системы в научной и образовательной практике.*

***Ключевые слова:** плагиат, антиплагиат, этика науки, организация научной деятельности, достоверность научных результатов, технические средства контроля, система «Антиплагиат»*

***Для цитирования:** Мартышина Н.И. Место системы «Антиплагиат» в саморегуляции научной деятельности // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 6. С. 50–57.*

В 2013–2015 гг. в российской образовательной и научной практике началось активное внедрение организационных мер, направленных на борьбу с заимствованиями в научных и квалификационных работах. В настоящее время проверка учебных и научных разработок в системе «Антиплагиат» стала постоянной составляющей работы преподавателей. Но обострились и дискуссии, связанные с проблемами в применении этой системы, появились достаточно резкие выступления, критически оценивающие сложившуюся практику её использования [1]. Хотелось бы обозначить свою позицию в разгорающихся дебатах, обратившись в этой связи к осмыслению ситуации, инициировавшей внедрение «Антиплагиата», и рассмотрев её в контексте общей динамики науки.

История внедрения системы «Антиплагиат» прекрасно иллюстрирует положение классического марксизма о том, что явно обозначившаяся потребность общества «продвигает науку вперёд быстрее, чем десяток университетов» [2, с. 174]. Системы обнаружения

плагиата появились в ответ на настоятельный запрос науки, столкнувшейся с кризисными факторами, способными создать значительные риски для её дальнейшего развития. Потребности, вызвавшие эти системы к жизни, связаны с действительно переломным моментом, обусловленным историческим изменением характера функционирования этого социального института.

Граничным условием существования науки является надёжность и достоверность знаний, получаемых в научной деятельности. На протяжении всего классического периода развития науки основным механизмом внутреннего контроля качества знаний в науке была практика обязательного *воспроизводства* полученных результатов. Значимые наблюдения, ключевые эксперименты, методики расчётов и т.д. становились известными в научном сообществе и без специальной интенции к перепроверке, просто в обычной научной практике *повторялись* коллегами учёного. Базовый для классической науки нормативный принцип был сформулирован

основателями Лондонского королевского общества, девизом которого было «Nullius in verba» – «Ничего на словах»: заявляя о проведённом эксперименте, учёный обязан был описать его условия достаточно подробно, чтобы последователи могли его воспроизвести и подтвердить таким образом полученные результаты. На протяжении столетий работала система, в которой первоисточник данных, суть его утверждений, последующие вариации и добавления в большинстве случаев были достаточно прозрачными, а авторство и приоритет устанавливались естественным образом. Сам характер науки как формы познавательной деятельности оказался, таким образом, связанным с естественно сложившейся системой её внутреннего самоконтроля.

Эта система практически перестала работать к последней трети XX в., к моменту начала формирования постнеклассической науки. Факторы, сделавшие невозможным её дальнейшее существование, сводятся, по существу, к двум основным детерминационным линиям: 1) принципиальное увеличение объёмов научной сферы (во второй половине XX в. основные её количественные параметры в мировой статистике росли по экспоненте, причём рост числа занятых в науке обгонял темпы увеличения финансирования, а прирост объёма публикаций, в свою очередь, обгонял рост количества учёных, готовивших эти публикации), превратившее науку в массовую деятельность, и 2) переход на чисто инновационные программы организации науки, в рамках которых поддерживаются, финансируются и признаются исключительно вновь полученные результаты, а повторение даже существенных, но уже состоявшихся эмпирических исследований с точки зрения управляющих наукой структур обладает заведомо более низкой ценностью. В результате сложилась принципиально новая ситуация, в которой практика распределённой работы учёных с единым фондом научных данных исчезает, а основанный на ней механизм постоянной перепроверки теряет своё значение. На смену приходит идеология научной дея-

тельности как непрерывного потока индивидуальных достижений. Обратной стороной смены научных ценностей является возможность включения в этот поток весьма частных или надуманных результатов, поскольку приоритетным становится собственный вклад учёного – до некоторой степени независимо от его качества; защитный барьер перед недостоверными результатами полностью утрачивает автоматический характер.

Изменение фундаментального организационного принципа научной деятельности – ориентация на достижения принципиального характера – обретает значение «научной революции». И к нему точно так же подходит определение, фиксирующее радикальный характер перемен: «Хотя мир не изменяется с изменением парадигмы, учёный после этого изменения работает в ином мире» [3, с. 164]. Исследователям предстояло отныне действовать в новых условиях – в среде, где приходится принять как факт «эпистемологический вывод: рациональность многих наших представлений находится вне нашего контроля» [4, с. 47].

Одним из ближайших следствий кризиса традиционных механизмов самоконтроля науки оказалось резкое увеличение интереса научного сообщества (и его окружения) к проблемам научной этики. Вспомним взрыв публикаций, посвящённых проблемам недобросовестности в науке, в 1980-е гг. Отправной точкой здесь считается выход в свет книги У. Броуда и Н. Уэйда «Предатели истины: подлог и обман в науке» [5], где обсуждались, как оказалось, существующие в науке приёмы подтасовки результатов: игнорирование несовершенств в методике эксперимента, удаление данных, противоречащих выводам автора, присвоение соавторства и др.; примечательно, что уже здесь в качестве одного из наиболее типичных и распространённых нарушений научной этики был упомянут плагиат, преимущественно из малоизвестных журналов. Спустя несколько лет публикации, раскрывающие «изнанку науки», исчислялись уже сотнями. С одной стороны,

этические дискуссии были вызваны к жизни громкими разоблачениями, свидетельствовавшими о том, что в ряде случаев контроль не сработал (причём отчётливо просматривалась возможность того, что обнаруженные нарушения научной этики являются лишь верхушкой айсберга); с другой – этические нормы внезапно оказались востребованными как едва ли не единственный возможный компенсатор недостаточности организационно-нормативных регуляторов. Обращала на себя внимание некоторая всеобщая растерянность перед лицом открывающихся фактов: было очевидно, что в каждом конкретном случае разоблачение недобросовестного поведения учёных происходило скорее случайно, чем благодаря какой-либо налаженной системе противодействия этическим нарушениям, а предлагавшиеся для создания этой системы меры были либо столь же очевидно недостаточными (например, обязательное обсуждение будущих публикаций в коллективах, где работают исследователи), либо трудно-реализуемыми (например, повышение ответственности редакций научных журналов, предполагающее, что редактор может по тексту статьи установить надёжность статистических данных и реальность проведённого эксперимента), либо справедливо непопулярными в научном сообществе и, в свою очередь, этически небезупречными (например, создание независимых комитетов по этике, куда учёный в любой момент мог бы обратиться с сообщением о нарушениях в работе коллеги). Названные и похожие предложения в научном сообществе активно обсуждались [6]. В результате в новой познавательной реальности отчасти выходила из подполья, но в большей степени активно разрасталась «теневая наука». Этот термин был введён В.А. Бажановым по аналогии с «теневой экономикой»: это «деятельность представителей научных сообществ, микросоциумов (входящих в них по формальным либо содержательным признакам), которая строится на нарушении, деформации принятых в обществе и поддерживаемых обществом в качестве своего рода

идеалов, ценностей и норм – правовых, этических и т.д., которые регулируют научную жизнь» [7, с. 153].

Развитие информационных технологий многократно усилило обозначенные тенденции, и в их развёртывании произошел качественный скачок [8, с. 143]. С использованием технических средств копирования заимствование чужого материала стало намного проще, а отслеживание заимствований в условиях резко возросшего количества научных материалов (тезисов, журнальных статей, диссертаций), а также количества самих журналов и издательских центров – намного сложнее. Сколько бы ни говорилось об ответственности редакторов, экспертов, научных руководителей – никто из них уже просто физически не мог отследить весь поток публикаций даже по своей тематике и соответственно – гарантированно распознать недобросовестное использование чужого текста в поступившей на рассмотрение статье или в работе аспиранта, особенно в тех случаях, когда первичная публикация была в местном малотиражном издании. Автору данной статьи случалось, например, обнаружить кандидатскую диссертацию, скопированную с его монографии, изданной небольшим тиражом в регионе, отдалённом от места дислокации диссертационного совета; а также участвовать в заседании совета, в ходе которого факт заимствования диссертантом больших кусков текста выяснился внезапно, причём аспирант спокойно объяснял, что, похоже, просто неосознанно проникся идеями прочитанной книги, а руководителю оставалось только посочувствовать. Случалось и разбирать ситуацию с публикацией статьи уважаемого доцента, совпадающей с параграфом монографии другого преподавателя... Каждый раз в таких ситуациях возникало чёткое осознание отсутствия каких-либо надёжных средств, позволяющих предотвратить их возникновение; напротив, было совершенно ясно, что если что-то подобное сделал твой аспирант, возможность вовремя сказать ему, что он неправ, была бы чистым везением.

Между тем с каждым следующим годом в сферу научной деятельности приходило всё больше людей, для которых подготовка работ методом копирования стала привычным, практиковавшимся на всём протяжении обучения делом. Когда в аспирантуру начало поступать поколение, которое даже школьные сочинения скачивало в Интернете, наступил своеобразный «кризис жанра»: оказалось, что выразить собственную мысль собственными же, а не заимствованными фразами начинающие учёные просто не умеют. Эмпирические исследования плагиата в студенческих и квалификационных работах в последние годы проводились многократно [9–11] и, при вариациях статистики, давали, в общем-то, одни и те же результаты: во-первых, студенты в своём большинстве имеют опыт использования плагиата, а во-вторых, не до конца понимают, почему это использование неправомерно. И если в процессе обучения в университете переворота в их установках не происходит, то те же представления вчерашние студенты приносят с собой в науку. В результате пилотные проверки диссертационных работ, выполненных в конце 1990-х и начале 2000-х гг., в ряде случаев обнаруживали весьма безрадостную картину [12].

Описанные тенденции, по-видимому, носили глобальный характер, с некоторой поправкой на культурную специфику. Например, в американских университетах в этот период отдельную проблему составлял плагиат в работах студентов, приехавших из некоторых азиатских стран и привыкших считать заимствования вполне обычной и не могущей вызвать никаких вопросов частью учебного процесса вплоть до выполнения творческих заданий: в самом деле, если можно сделать «реплику» модного гаджета, почему «реплику» научной статьи нельзя? Таким образом, наука на её наиболее массовых, низших уровнях всё более отчётливо приобретала *превращённую форму* существования, в самом что ни на есть точном значении этого термина – «как продукт преобразований, трансформаций, инверсий внутренних связей и отношений не-

коего сущностного аспекта, элемента, феномена, который продолжает “оставаться за” формой, будучи уже чем-то иным» [13, с. 88].

Экскурс в историю проблемы позволяет, на наш взгляд, высказать следующую гипотезу. Система «Антиплагиат» появилась в российской практике не как коммерческий продукт, навязанный научной и вузовской общественности посредством искусственно созданной потребности, и не как очередное бюрократическое усовершенствование, усложняющее всем жизнь (хотя и коммерческая успешность, и чиновничий способ внедрения, безусловно, присутствуют в её реализации). Её сделала необходимой логика конкретного этапа развития науки, в рамках которого произошло радикальное преобразование условий бытия науки и возникла реальная опасность перерождения ряда её составляющих, при сохранении внешней формы, в иное качество; внедрению этой или другой, но с теми же функциями, системы не было сколько-нибудь эффективной альтернативы. На мой взгляд, вне данного контекста обсуждать сегодняшнее функционирование «Антиплагиата» невозможно. Так что в дискуссиях об оценке «Антиплагиата» мне близка такая позиция: «Учитывая складывающуюся в стране ситуацию, использовать какую-либо систему проверки на плагиат (даже со всеми её недостатками) – необходимо» [14, с. 3386].

В том же контексте следует, как мне представляется, оценивать проблемы, возникающие в связи с использованием «Антиплагиата». Прежде всего, некоторая часть этих проблем, скорее всего, будет снята в стандартном цикле внедрения техники нового типа: общей закономерностью при смене технической парадигмы является возникновение противоречий во взаимодействии «человек – техника». Данные противоречия зачастую порождают протесты и призывы вообще отказаться от техники данного типа, но события обычно развиваются в другом направлении: люди адаптируются к работе с этой техникой, а техника совершенствуется, становясь более «дружественной»; в результате противоре-

чия первого этапа преодолеваются на следующем витке развития. Российский «Антиплагиат», по крайней мере, движется в этом направлении: в частности, как сообщил представитель компании на вебинаре 23 апреля 2018 г., в настоящее время в разработке находится формирование списков стандартных для научных дисциплин фразеологических оборотов (например, «что и требовалось доказать» для математики), которые не будут отображаться системой как заимствованные; специальный режим отображения юридических формулировок, которые должны точно соответствовать тексту законов и также не будут попадать в разряд заимствованных; опциональное исключение из проверяемого текста библиографического списка). Согласимся, что это как раз те недостатки в работе системы, с которыми мы сегодня встречаемся чаще всего.

Следует обратить внимание и на то, что некоторые требования, которые предъявляет к нам «Антиплагиат» – это, по существу, нормативные требования к публикационной деятельности; система относится к ним более строго, но сами требования не являются её изобретениями. Именно в этом ключе должно, на мой взгляд, рассматриваться обнаружение заимствований из собственных текстов автора, опубликованных ранее, и подобные ему ситуации. Вот как эта практика регулируется в «Международном стандарте для авторов», принятом, вероятно, наиболее представительным на сегодняшний день Комитетом по публикационной этике (COPE):

«4.1. Авторы должны придерживаться требований, в соответствии с которыми работа должна носить оригинальный характер и не быть опубликована ранее где-либо и на каком-либо языке. Работа не должна быть представлена одновременно к более чем одной публикации, если редакторы не согласились на совместное издание. Если статья публиковалась ранее, этот факт должен быть прояснен читателям...

4.3. Соответствующие предыдущие работы и публикации как других исследователей,

так и автора должны быть надлежащим образом указаны...

4.4. Формулировка, взятая непосредственно из публикаций других исследователей, должна быть заключена в кавычки с соответствующим оформлением цитирования.

4.5. Авторы должны информировать редакторов, если результаты были опубликованы ранее или если несколько отчётов или аналитических материалов по одному набору данных представлены к публикации в другом месте. Авторы должны предоставлять копии соответствующих публикаций или работ, представленных в другие журналы.

4.6. Несколько публикаций, вытекающих из одного исследовательского проекта, должны быть чётко идентифицированы как таковые, и следует ссылаться на главную публикацию. Переводы и адаптация для разных аудиторий должны быть чётко определены как таковые» [15].

Как редактор вузовского издания, я вижу, что формулировка этих правил направлена на предотвращение целого спектра возможных конфликтных ситуаций. Как автор научных статей, полагаю, что эти требования не столько ограничивают мою деятельность, сколько вводят её в нормативные рамки. На вопросы: «Почему я не могу включить в текст своей статьи фрагмент другой своей статьи или диссертации, ту часть публикации, подготовленной в соавторстве (например, с аспирантом), которая принадлежит мне, фрагмент коллективного научного отчёта и т.п.?» – они отвечают вполне определённо: пожалуйста, вы можете это сделать, оформив ссылку на предыдущие материалы. И да, ваши коллеги и ученики вполне могут разрабатывать ваши идеи, но что им мешает при этом корректно вас процитировать?

Иными словами, «Антиплагиат» в данном случае вовсе не вводит собственные правила, он лишь делает явным дублирование в публикациях авторов. Замечу ещё и как читатель, возможный адресат научной публикации: я не считаю оптимальным вариантом мультиплицирование текста, предлагающее мне в поисках публикаций по теме вновь и вновь

обнаруживать вариации одного и того же авторского набора идей. Реальность существенно изменилась и в этом отношении тоже: ещё несколько лет назад параллельная публикация одного и того же материала могла быть оправданной, например, если аудитория выбранных изданий существенно различалась. Сейчас все статьи всё равно стекаются в единую базу научных публикаций и будут обнаружены читателем, скорее всего, по поисковому запросу в «Киберленинке», так что деятельность «мультипликатора» теряет рациональный смысл. Заметим, кстати, что этот типаж был критически обозначен ещё в сборнике «Физики шутят», а опять-таки отнюдь не сформирован внедрением систем обнаружения плагиата [16, с. 62].

Наконец, ключевым моментом представляется то обстоятельство, что система «Антиплагиат» вовсе не позиционируется как инстанция, принимающая окончательные решения. Напротив, научный руководитель или редактор при использовании системы изначально получает предупреждение о том, что она показывает текстуальные совпадения как таковые, а оценка их корректности должна быть осуществлена им самим. Таким образом, ещё одна группа недостатков «Антиплагиата» на самом деле является недостатками его механического применения, в котором решающей считается цифра как таковая. Здесь мы опять имеем дело с проявлением одной из общих закономерностей техносферы: любое техническое устройство – лишь инструмент; цели и способы его применения находятся в зоне исключительной ответственности человека. На мой взгляд, следует вывести вопрос об интерпретации отчёта, выданного системой «Антиплагиат», в отдельный проблемный блок. Организационно сегодня и эксперт диссертационного совета, и редактор научного журнала, и секретарь оргкомитета конференции свободны в своём решении принять работу с любым процентом совпадений текста с автоматически найденными источниками; все существующие нормативы носят рекомендательный характер. Формальный подход, пере-

страховка, нежелание принять эту свободу и сопряжённую с ней ответственность – это человеческая и социальная проблема, а не дефект той или иной технической системы.

В связи со сказанным главные условия для предотвращения трансформации теперь уже автоматических систем проверки текстов в очередную превращённую форму регуляции научной деятельности и для эффективного их использования в качестве инструмента саморегуляции науки, по моему мнению, заключаются прежде всего в следующем:

1) содержательный анализ выявляемых текстуальных совпадений и использование экспертами этой информации как справочной, а не результирующей;

2) решение вопросов о допустимости тех или иных вариантов публикации на основе общих принципов публикационной и – шире – научной этики;

3) дифференцированный подход к оценке текстуальных совпадений в зависимости от характера и уровня учебной или научной работы (учебный реферат, учебное или методическое пособие, квалификационная работа, научная публикация должны иметь различные показатели оригинальности просто в силу особенностей жанра);

4) соблюдение всеми участниками процесса принятых стандартов оформления научных публикаций.

Адекватным противовесом обозначившейся тенденции к использованию «Антиплагиата» как формально-административного регулятора научной деятельности может быть только выработка профессионально-ориентированного, содержательного регламента применения технических средств контроля в различных сферах и формах науки и образования.

Литература

1. Лукьяненко В. Крамола и ересь об «Антиплагиате» // Учительская газета. 2017, 28 ноября. № 48. С. 6.
2. Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. М.: Изд-во политической литературы, 1966. С. 174–177.

3. Кун Т. Структура научных революций. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 296 с.
4. Хардвик Дж. Роль доверия в познании // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Науковедение. 1993. № 1. С. 46–51.
5. Broad W., Wade N. *Betrayers of the Truth: Fraud and Deceit in Science*. Oxford: Oxford University Press, 1985. 256 p.
6. Banerjee D. Credibility and ethics in science // *Science and culture*. Calcutta, 1988. Vol. 54. № 5. P. 137–141.
7. Бажанов В.А. Наука как самопознающая система. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1991. 184 с.
8. Левин В.И. Плагиат, его сущность и борьба с ним // *Высшее образование в России*. 2018. № 1 (219). С. 143–150.
9. Игнатова М.Н. Плагиат как угроза инновационному развитию общества // *Науковедение*. 2012. № 4. URL: <http://naukovedenie.ru:529BH412>
10. Кичерова М.Н. Эмос науки в информационном обществе // *Науковедение*. 2013. № 4. URL: <http://naukovedenie.ru:51PB413>
11. Шмелева Е.Д. Плагиат и списывание в российских вузах // *Вопросы образования*. 2016. № 1. С. 84–103.
12. Абдеева Н.В., Никулина О.В., Сологубов А.М. Система «Антиплагиат РГБ» и недобросовестные авторы диссертаций: кто победит? // *Научная периодика: проблемы и решения*. 2012. № 5 (11). С. 11–16.
13. Тхагапсоев Х.Г., Сапунов М.Б. Российская образовательная реальность и её превращённые формы // *Высшее образование в России*. 2016. № 6 (202). С. 87–97.
14. Чиркин Е. С. Использование систем антиплагиата в образовании // *Вестник ТГУ*. 2013. Т. 18. Вып. 6. С. 3380–3387.
15. Wager E., Kleinert S. (2011) Responsible research publication: international standards for authors: A position statement developed at the 2nd World Conference on Research Integrity, Singapore, July 22–24, 2010. URL: https://publicationethics.org/files/International%20standards_authors_for%20website_11_Nov_2011.pdf
16. Кон А., Брейер М. Типология в научном исследовании // *Физику шутят / Под общ. ред. В. Турчина. М.: Мир, 1966. С. 57–63.*

Статья поступила в редакцию 25.04.18

Принята к публикации 15.15.18

“Anti-plagiarism” System in Self-regulation of Scientific Activity

Natalya I. Martishina – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Chief of department “Philosophy and culturology”, e-mail: nmartishina@yandex.ru

Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

Address: 191, Dusi Kovalchuk str., Novosibirsk, 630049, Russian Federation

Abstract. The article presents the author’s position in the discussions that have intensified at the present time about the “Anti-plagiarism” system. The article correlates the functions of the system “Anti-plagiarism” with the problems of scientific activity in the post-nonclassical period of the development of science. The author supports the thesis that the use of this system, even in the presence of certain defects, in the existing conditions is an objective necessity. The article discusses the most frequently mentioned problems of using “Anti-plagiarism” and gives objections to certain criticisms. The author formulates the conditions for the effective application of the system in scientific and educational practice such as: 1) content analysis of textual coincidence in research papers only for reference purposes, 2) decision-making about the acceptance of manuscript for publication based on the general principles of publication and research ethics, 3) differential treatment of textual coincidence depending on the level, character, and genre of a paper, 4) unified standards for preparation of research publications and academic papers. The scientific community has to work out professionally oriented regulations for application of technical means of verification in various spheres of science and education.

Keywords: ethics of science, plagiarism, antiplagiarism, organization of scientific activity, reliability of scientific results, technical means of verification, “Anti-plagiarism” system

Cite as: Martishina, N.I. (2018). [“Anti-plagiarism” System in Self-regulation of Scientific Activity]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. Vol. 27. No. 6, pp. 50-57. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Luk'yanenko, V. (2017). [Sedition and Heresy about «Antiplagiat»]. *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper]. No. 48, Nov. 28, p. 6. (In Russ.)
2. Engels, F. (1966). [The Letter to W. Borgius]. In: Marx K., Engels, F. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 39. Moscow: Gospolitizdat Publ. Pp.174-177. (In Russ.)
3. *Kuhn T.* (1998). [The Structure of Scientific Revolutions]. Transl. from Eng. Blagoveschensk: Blagoveschensky College of Humanities. 296 p. (In Russ.)
4. Hardwick, J. (1993) [The Role of Trust in Knowledge]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 8. Naukovedenie* [Social and Human Sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 8. Science on Science. No. 1, pp. 46-51. (In Russ.)
5. Broad, W., Wade, N. (1985). *Betrayers of the Truth: Fraud and Deceit in Science*. Oxford: Oxford University Press. 256 p.
6. Banerjee, D. (1988). Credibility and Ethics in Science. *Science and culture*. Calcutta. Vol. 54. No. 5, pp. 137-141.
7. Bazhanov, V.A. (1991). *Nauka kak samopoznayushchaya sistema* [The Science as a Self-Cognitive System]. Kazan: Kazan State Univ. Publ. 184 p. (In Russ.)
8. Levin, V.I. (2018). [Plagiarism, Its Essence and Measures to Prevent and Handle It]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 1 (219), pp. 143-150. (In Russ., abstract in Eng.)
9. Ignatova, M.N. (2012). [Plagiarism as a Threat to the Innovative Development of Society]. *Naukovedenie* [Science on Science]. No. 4. Available at: <http://naukovedenie.ru/529BH412>. (In Russ.)
10. Kicherova, M.N. (2013). [Ethos of Science in the Information Society]. *Naukovedenie* [Science on Science]. No.4. URL: <http://naukovedenie.ru/511IB413>. (In Russ.)
11. Shmeleva, E.D. (2016). [Plagiarism and Cheating in Russian Universities]. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues]. No. 1, pp. 84-103. (In Russ., abstract in Eng.)
12. Avdeeva, N.V., Nikulina, O.V., Sologubov, A.M. (2012). [The System “Anti-Plagiarism of the RSL” and Unscrupulous Authors of Theses: Who Will Win?]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya* = Scientific Periodicals: Problems and Solutions. No. 5 (11), pp. 11-16. (In Russ., abstract in Eng.)
13. Tkhapsoev, H.G., Sapunov, M.B. (2016). [Russian Educational Reality and Its Converted Forms]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 6 (202), pp. 87-97. (In Russ., abstract in Eng.)
14. Chirkin, E.S. (2013). [The Use of Systems of Anti-Plagiarism in Education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. Vol. 18. No. 6, pp. 3380-3387. (In Russ., abstract in Eng.)
15. Wager, E., Kleinert, S. (2011). Responsible Research Publication: International Standards for Authors: A Position Statement Developed at the 2nd World Conference on Research Integrity, Singapore, July 22-24, 2010. Available at: https://publicationethics.org/files/International%20standards_authors_for%20website_11_Nov_2011.pdf
16. Cohn, A., Breyer, M. (1966). [Typology in Scientific Research]. *Fiziki shutyat* [Physicists Are Joking]. Moscow: Mir Publ., pp. 57-63. (In Russ.)